

ОДНА НОЧЬ

Еще с полудня птицы начали тревожно перекликаться, предчувствуя непогоду. Но только перед закатом солнца туча сумела выглянуть одним краем из-за зубцов гор. Она злобно сверкала короткими молниями, раскаты отдаленного грома были похожи на рычание хищника, готового к нападению.

К ночи туча тяжело перевалила через горы. Вначале совсем медленно, а затем все быстрее и быстрее она ползла вниз по острогам, прямо на небольшой кишлак, лежавший у самого входа в долину.

Птицы сразу же испуганно замолкли и попрятались среди листвы. В долине стало совсем темно. А туча неожиданно остановилась, повиснув над самыми вершинами пирамидальных тополей, окружавших кишлак. Она словно боялась опуститься пониже, чтобы не напороться на эти острые, как пики, вершины, и в то же время не знала, катиться ли ей дальше через долину и вниз по ущелью в предгорье или рассредоточить свои силы по узким распадкам и залечь до поры до времени.

В такие предгрозовые ночи в кишлаке всегда с вечера запирались ворота и калитки, а люди пораньше укладывались спать. Недолги летние ночи, а в горячее время полевых работ отдохнуть удается только в часы ненастья. На улице мог бушевать ветер, хлестать проливной дождь, но это не мешало усталым людям крепко спать под монотонный шум непогоды.

Но сегодня в кишлаке никто не уснул. Жители знали, что еще с утра пограничная застава за далеким перевалом ведет бой с крупной бандой басмачей. Басмачи пытаются переправиться через пограничную реку, чтобы овладеть ущельем, прорваться в предгорье и на равни-

ну. Да и во всей горной округе было неспокойно. В республике не так давно прошла земельно-водная реформа. Впервые хозяином земли стал тот, кто поливал ее своим потом. Сейчас на отобранной у богатеев земле начинали складываться колхозы. Бывшие хозяева земли и воды, феодальная знать, мусульманское духовенство и богатей не хотели смириться. Они давно уже готовились с оружием в руках померяться силой с советской властью. Правда, готовились тайно, рассчитывая на поддержку из-за границы. К ним-то на помощь и ломились сейчас басмачи. Прорвется банда через границу — и запыхают колхозные кишлаки, польется на землю кровь бедняков, заплачут осиротевшие дети.

Единственный в кишлаке коммунист, председатель молодого колхоза Даньяр знал больше, чем другие колхозники. Недаром он и сам много лет прослужил пограничником. Даньяр знал, что сил на заставе мало и борьба слишком неравная. Знал он и о том, что на помощь заставе из областного города выступил кавалерийский полк ОГПУ. Но успеют ли чекисты на помощь пограничникам, в этом Даньяр не был уверен.

Еще часа за два до заката солнца он послал на заставу своего первого помощника, вожака кишлачных комсомольцев Хабиба. С минуты на минуту Хабиб должен был вернуться. Он привезет указание командира заставы, что делать людям — уходить ли из кишлака и прятаться в каком-либо горном распадке или оставаться спокойно на месте.

А в колхозе все были готовы сняться с места. Обширный двор байской усадьбы, совсем недавно ставший колхозным, был полон людей. Здесь собрались все колхозники, а это значило — почти все жители кишлака. Лишь пять-шесть еще не высланных из кишлака баев затаились в своих усадьбах и молили аллаха о даровании победы басмачам. Десятка полтора дехкан, пока не решившихся вступить в колхоз, были здесь же, на колхозном дворе, вместе со своими женами и детьми. Сюда же единоличники пригнали и весь свой скот. Угроза басмаческого налета объединила и колхозников и неколхозников в одну семью.

Костров во дворе не зажигали. Несколько фонарей «летучая мышь» слабо освещали только середину двора и веранду бывшего байского дома. Но все же и при этом

неверном свете можно было рассмотреть, что колхозники разделились на две неравные группы. На веранде, около Даньяра, собралось человек восемьдесят — исключительно мужчины. Они оставались с Даньяром прикрывать отход людей в горы, а если красноармейцы отступят с заставы, то вместе с ними драться за родной кишлак. Даньяр еще с вечера сказал: «Уходить из кишлака мы не можем. Трактор с собой в горы не потащишь. Мост басмачам не оставишь. Будем драться».

Остальные жители кишлака группировались около старого Халмурада. Здесь, наоборот, не было ни одного здорового молодого мужчины. Только старики, женщины и дети. Это были те, кого старый Халмурад должен был увести в горы.

Люди Даньяра были вооружены старинными мултуками, охотничьими ружьями, а некоторые даже и винтовками. У седобородых товарищей Халмурада единственным оружием были крепкие алычовые палки. Кое-кто на конец палки укрепил лезвие косы, превратив ее в грозное оружие — пику.

«Хабиб вот-вот должен вернуться, — сидя на веранде, думал Даньяр. — Напрасно только я разрешил Миртемиру ехать с ним. Ведь совсем еще ребенок, пятнадцатый год идет. Правда, ездит он здорово, настоящий джигит. А все-таки не надо было отпускать его с Хабибом. Ночью в горах и взрослому трудно».

— Хабиб с Миртемиром должны сейчас подъехать, — словно подслушав мысли председателя, заговорил старый Халмурад, подходя к веранде. — Может, и не придется идти в горы.

— Пока они не вернулись, со двора никому уходить нельзя, — встрепелся Даньяр. — Потом собираться будет некогда.

— В горах, наверное, прошел ливень, — после паузы снова заговорил Халмурад. — А твой сынок только в летнем халате.

Собственно, Миртемир был не сыном, а племянником Даньяра. Брат Даньяра Керим погиб в бою с басмачами еще в двадцать третьем году. Но по обычаям узбекского народа Даньяр заменил отца детям погибшего брата.

— Миртемир еще мальчик, но у него сердце мужчины, — ответил Даньяр на заботливую фразу

Халмурада. — Да и сделать сейчас все равно ничего нельзя. Надо ждать.

— Да, надо ждать, — согласился старик. — Что ты, председатель, думаешь делать с Умарбеком?

— Если Хабиб с Миртемиром привезут плохие вести, Умарбека и всех других баев придется арестовать и посадить в пустой амбар. Оружие забрать. Нельзя оставлять скорпионов у себя за спиной.

— Правильно, — одобрил Халмурад. — Если басмачи прорвутся на заставе, им не миновать нашего кишлака. Мост через реку только у нас. В других местах не переправятся — вода в реке высоко поднялась. Вот тогда Умарбек со своими баями и ударит нам в спину, чтобы мост захватить. Нельзя его оставлять на свободе.

— Да, мост отдавать нельзя, — задумчиво ответил Даньяр. — Со своими-то баями мы справимся. Меня заботит другое. Как бы басмачи не обманули заставу. Вдруг пойдут через Кривое ущелье.

— Что ты? — удивился старик. — В Кривом ущелье каждый год бывает по два-три обвала. Только наш житель найдет путь через Кривое ущелье.

— Наших-то я и боюсь, — признался Даньяр.

— Наши все здесь. Да и кто пойдет помогать кровавым собакам — басмачам, — горячо вступился за односельчан Халмурад.

— Байские родичи не с нами, — усмехнулся Даньяр. — Упустили мы. Надо было еще днем послать людей по Зеленому распадку. Отрезать дорогу в Кривое ущелье.

— Аллах милостив, — с глубокой верой произнес Халмурад — Он не допустит.

Даньяр ничего не ответил старику, но улыбка, мелькнувшая на его губах, показала, что старый конармеец был не слишком уверен в милости аллаха.

Несмотря на многолюдство, в бывшей байской усадьбе стояла тишина. Даже дети боялись плакать в эту грозную ночь. Поэтому чье-то особенно чуткое ухо уловило посторонний звук раньше, чем он стал слышен всем.

— Кто-то скачет из гор! — крикнул испуганный женский голос. Все замерли, напряженно вслушиваясь. Кто приближается к кишлаку, друзья или враги? С доброй или черной вестью?

— Скачет один всадник, — определил Даньяр через несколько секунд, когда звук стал доноситься явственнее. Он соскочил с веранды и в сопровождении десятка мужчин кинулся к воротам. «Что случилось и с кем, с Хабибом или с Миртемиром? — тревожно подумал он. — Почему возвращается только один? И скачет так, как будто уходит от погони».

На улице звук ударов копыт был хорошо слышен. Огромным умением и смелостью должен был обладать всадник, чтобы в такую темную ночь галопом гнать коня по опасной горной дороге. Цокот копыт несущегося бешеным аллюром коня все нарастал, звучал как сигнал тревоги, сигнал приближающейся беды.

— Дайте огня, — приказал Даньяр. Два фонаря вырвали из темноты небольшую площадку перед воротами. Еще минута — и на этом пятачке круто осадил взмыленного скакуна неистово мчавшийся всадник.

— Миртемир?! — воскликнул Даньяр, хватая под уздцы горячившегося коня. — А где Хабиб? Почему ты один?

Мальчик, сидевший на спине скакуна, несколько секунд не отвечал, пытаясь перевести дыхание. Только яр-

ко алевшие концы пионерского галстука дрожали на его стесненной одышкой груди.

— Где Хабиб? — нетерпеливо повторил Даньяр.

— Хабиб поскакал обратно, на заставу, — наконец смог выговорить Миртемир. — Предупредить... Басмачи в Кривом ущелье. Их ведет Ораз, сын Умарбека...

Даньяру очень хотелось немедленно узнать все новости с заставы, но на время он отложил расспросы. Надо было немедленно действовать.

— Рустам, — подозвал он к себе одного из колхозных активистов. — Возьми людей и арестуй Умарбека и других баев. Забирай всех мужчин, какие будут в их домах. Женщин и детей не трогай. Дома обыщи. Оружие неси сюда.

Рустам, молодой коренастый парень, одетый в гимнастерку, оставшуюся после демобилизации, проворно отобрал надежных товарищей и отправился выполнять приказание.

— А вы, Халмурад-ата, — обратился председатель колхоза к старику, — уводите скорее людей. Чем дальше вы уйдете, тем лучше.

— Да поможет вам аллах, — попрощался старик с Даньяром и оставшимися колхозниками. — Бейте кровавых собак — басмачей, чтобы от них и следа не осталось. А о нас не беспокойтесь, горы нас укроют.

Только убедившись, что семьи колхозников, гоня впереди себя скот, направились в один из ближайших горных распадков, Даньяр вернулся к Миртемиру.

А Миртемир не терял времени даром. Как хороший хозяин, он первым делом позаботился о коне. Неторопливым шагом мальчик ездил по пяточку около ворот, давая коню остыть. Сам Миртемир был уже бодр, словно бы и не он только что одолел трудный и опасный путь. Впрочем, и скакун оказался достоин всадника. Ключья пены еще не успели высохнуть на его боках, а он уже снова нетерпеливо просил повод, готовый продолжать упоительную скачку.

— Миртемир! — окликнул мальчика Даньяр. — Подъезжай сюда. Рассказывай, что Васильев велел передать.

Мальчик подъехал к Даньяру и, не слезая с коня, заговорил, явно подражая языку военного рапорта:

— Начальник заставы, товарищ Васильев, приказал передать, что басмачи через заставу не прорвутся. — Но,

не выдержав торжественного тона, он нагнулся с седла к Даньяру и заговорил торопливо, со все разгорающимся азартом: — Ой, ата! Там знаешь какой бой идет! На заставе два пулемета стреляют — один с вышки, а другой со скалы! Нас на заставу даже не пустили. Товарищ Васильев сам к нам вышел. Он сказал, что застава удержится, что басмачи стали меньше нажимать. Их как будто меньше стало! Васильев беспокоился, не прорвались ли басмачи еще где! Просил нас, когда мы поедем назад, подняться на хребет и проверить Кривое ущелье. Товарищ Васильев Хабибу даже свой бинокль отдал! Когда мы ехали обратно, Хабиб два раза карабкался на хребет. Один раз — через распадок у Сухой чинары, а второй — у старого караван-сарая. На второй раз рассмотрел: идут басмачи по Кривому ущелью. Их Ораз ведет, сын Умарбека.

— Много басмачей в Кривом ущелье? — перебил Даньяр мальчика.

— Хабиб видел, а не я. Говорит, двести человек, не меньше. Пулеметы есть. На выюках.

— Куда они повернут? — задумчиво проговорил Даньяр. — К нам, по Зеленому распадку, или дальше пойдут, к Старому мазару?

— Хорошо бы, если к Старому мазару. От Старого мазара им к нам и поворачивать нечего. Далеко очень. Их тогда красноармейцы из города быстро догонят.

— Плохо будет, сынок, если басмачи пойдут к Старому мазару, — покачал головой Даньяр. — Если у Старого мазара не двести, а пятьдесят человек встанут, да если будет у них хоть один пулемет, — как замком запрут ущелье. Целый полк ничего не сделает с ними. Вся наша округа в руках басмачей очутится.

Миртемир, понявший все коварство замысла басмачей, растерянно молчал.

— Полк подойдет к Старому мазару не раньше чем к полудню, — продолжал Даньяр. — Все чекисты полягут, а не смогут прорваться в горы, к нам на помощь. Вот если бы они знали...

— Ата! А если их предупредить? Если я поеду?

— Надо предупредить, — медленно проговорил Даньяр и, неожиданно переходя на шепот, спросил: — А ты, сынок, не побоишься ночью через ущелье ехать? Дорогу помнишь?

— Не побоюсь, ата! — так же шепотом ответил Миртемир. — И дорогу я хорошо помню! Хоть и темно, все равно не собьюсь!

— Надо скакать навстречу полку, сынок. Предупредить чекистов. Пусть они хотя небольшую группу с пулеметами вперед вышлют, займут Старый мазар раньше басмачей. А то потом большой крови Старый мазар стоить будет. Ты все понял, сынок?

— Все понял, ата, — кивнув, шепнул Миртемир.

— Конечно, лучше бы послать не тебя, а взрослого кого-нибудь. Но, понимаешь, сынок, лошадей уже угнали в распадок. А твой Байчибар сегодня уже много проскакал, взрослого всадника долго не пронесет. Ты-то как перышко, Байчибар твоей тяжести и не чувствует. Но сумеешь ли ты, сынок? Не побоишься?

— Сумею, ата! И бояться не буду, — заверил Даньяра Миртемир. — К рассвету я буду за Старым мазаром. Успею предупредить чекистов. — Затем, помолчав, спросил: — Ата, а Сашка приехал?

— Не видел я его, наверно, не приехал. Да и хорошо, что он задержался в городе. Иван Семенович еще тоже не вернулся.

— А может, Сашка вечером приехал, — высказал догадку Миртемир. — Может, совсем поздно приехал?

— Приехал — прибежал бы, — усмехнулся Даньяр. — Вы ведь часу друг без друга прожить не можете. Помолчали, как молчат мужчины перед расставанием.

— Ну, что ж, сынок, — прервал паузу Даньяр. — Твой Байчибар уже отдохнул. Ты не слезай. Я сейчас вынесу тебе халат и пару лепешек на дорогу.

Через несколько минут Миртемир уже рысил по самой середине кишлачной улицы. Он не подъезжал близко к кустам и дувалам, опасаясь вражеской засады. Ведь бай-то еще не были арестованы. Сдерживал он и рвавшегося вперед Байчибара, до поры сберегая его силы. Настороженно вглядываясь в темноту улицы, Миртемир готов был в любую минуту бросить коня в стремительный намет, чтобы избежать нападения или погони.

Вот наконец и окраина кишлака. Сейчас дорога делает поворот и пройдет около самых стен усадьбы, когда-то принадлежавшей одному из жителей кишлака, но лет пять тому назад купленной у него сельсоветом. Уже

второй год здесь в обширном доме жил начальник геологической партии Иван Семенович Сибиряков со своей семьей и помощниками. С сыном Сибирякова Сашей Миртемир дружил с первого дня приезда геологов в кишлак. Вдвоем они облазили все ближайšie горы и распадки. Саша и сам не заметил, как быстро он научился говорить по-узбекски и хорошо ездить верхом. Вспомнив друга, Миртемир вздохнул. Сейчас усадьба пуста, Иван Семенович со своими сотрудниками в горах, а Саша уже третий день в городе, уехал навестить мать, лежавшую в больнице.

Проезжая мимо усадьбы, Миртемир еще больше придержал коня. А может быть, Сашка уже вернулся. Приехал поздно вечером и никуда не пошел. Может быть, и не знает, какая гроза нависла над кишлаком. При одной мысли о том, что друг в опасную минуту может оказаться совсем один, сердце Миртемира сжалось. «Надо все-таки проверить, не вернулся ли Сашка, — решил мальчик. — Задержусь всего на несколько минут. Байчибар легко их наверстает».

Миртемир решительно свернул с дороги, поставил коня в кустах за дальним углом стены, ограждавшей усадьбу, посмотрел на затянутое тучей небо и пошел к воротам. Он двигался осторожно, внимательно вглядываясь и вслушиваясь в темноту.

Кругом было тихо. Большие и тяжелые ворота усадьбы не заперты. Миртемир знал, что всякий раз, когда их открывают или закрывают, они очень громко и пронзительно скрипят. Скрипят так, что даже и на другом конце кишлака слышно. Иван Семенович часто шутил по этому поводу. «К нам, — говорил он, — незаметно не войдешь и не выйдешь. Ворота всему кишлаку расскажут».

Поэтому, подойдя к воротам, Миртемир взобрался на огромный жернов, с давних пор прислоненный к стене, а с него вскочил на верх стены и затем легко соскользнул внутрь двора. Не раз и не два они вместе с Сашей таким же образом обходились без помощи ворот. Мать Саши всегда приходила в ужас от акробатических упражнений сына, зато Иван Семенович чуть ли не всерьез считал их прекрасной физической подготовкой для мальчиков.

Во дворе усадьбы было так же темно и тихо, как и на улице. Миртемир подошел к дому. Никого.

Миртемир был храбрым мальчиком, но здесь он вдруг почувствовал себя неуверенно. Дом этот в ночную пору всегда был освещен, в нем звучали веселые голоса геологов, а сейчас кругом было непривычно мрачно. Даже как-то угрожающе мрачно. Чтобы побороть невольное чувство робости, Миртемир подошел к окну, за которым, он знал, стояла кровать его друга, и окрикнул:

— Сашка! Ты приехал?! Сашка!..

Звук собственного голоса заставил Миртемира вздрогнуть. Его окрик прозвучал громко и тревожно. Торопясь быстрее покинуть этот неожиданно ставший таким негостеприимным двор, Миртемир поднялся на веранду, тянувшуюся вдоль фасада дома, подошел к двери и ощупал засов. Так и есть. На дверях дома висел замок. Значит, Саша еще не приехал. «Напрасно только задерживался, время зря потерял», — упрекнул себя Миртемир и, спрыгнув с веранды, направился к воротам.

Но в этот момент за его спиной скрипнула рама окна и раздался сонный голос Саши.

— Мирка, это ты? погоди, я сейчас.

— Сашка, ты приехал?! — кинулся к окну Миртемир. — Почему запертый спишь?

— А зачем отпирать? — ответил из темноты Саша. — Я в окно залез. Так интересней.

— Скорей одевайся, — торопил друга Миртемир. — Мне некогда. Я уезжаю. Ты сейчас беги в правление. Только скорей.

— Чего я там не видел, — отказался Саша. — Я лучше с тобой.

— Нельзя со мной. Я на Байчибаре. —

— Ну и что ж. Я сзади сяду.

— Нельзя. Байчибар уже целый день под седлом, устанет быстро.

— Ишь ты, какой хитрый, — донесся из темноты сердитый голос Саши. — Сам едешь, а я в правление идти должен. Тогда я лучше спать буду.

— Да скорей ты, — рассердился на друга Миртемир. — Басмачи близко. На наш кишлак идут.

Известие о басмачах в те тревожные годы не требовало пояснений. Внутри комнаты что-то загрохотало, видимо, Саша в темноте опрокинул стул, а через полминуты и он сам, перескочив через подоконник, очутился рядом с Миртемиром. Пока Саша старательно закрывал

окно, Миртемир коротко рассказал ему о событиях дня и закончил словами:

— Ты беги к нашим. Они в обиду не дадут, а я поеду. Пошли.

Но в этот момент произошло событие, изменившее намеченный Миртемиром план. К воротам усадьбы кто-то подъехал. Но кто? Друг или враг? Едва отойдя от дома, ребята затаились в кустах около амбара, где хранилось казенное геологическое имущество.

Подъехавший, видимо, знал громкоголосие больших ворот. Через мгновение силуэт головы всадника зачерпел над верхом стены в том же самом месте, где за несколько минут до этого через нее перебирался Миртемир.

— Кузяин! Эй, кузяин! — донесся до ребят не слишком смелый крик приехавшего.

— Кто это? — шепотом спросил друга Саша.

— Не знаю еще, — также шепотом ответил Миртемир. — Кажется, Баймирза, умарбековский лизоблюд.

Саша сразу же припомнил человека, называвшегося Баймирзой. Несмотря на то, что в его имени соединились понятия богатства и учености, Баймирза никогда не был даже середняком. Всю жизнь он был на побегушках у Умарбека и жил в основном за счет его подачек, так как более всего на свете не любил работать.

Покричав еще немного и убедившись, что в доме никого нет, Баймирза расхрабрился и перелез через стену. Первым делом он направился к дому. До ребят донесся треск небольшого замка, который Баймирза легко свернул рукой. Затем наступила тишина. Баймирза шарил в доме.

— Слушай, Мирка, — предложил Саша. — Давай я возьму его лошадь. Ты на Байчибаре, я на баймирзинской лошади. Согласен?

— А на каком коне приехал Баймирза? — заколебался Миртемир. — Если на своей кобыленке, то и пробовать не стоит.

Но, словно опровергая слова мальчика, из-за ворот послышались удары копыт о камень. Конь, на котором приехал Баймирза, нетерпеливо рыл землю, ему не стояло на месте. На такие подвиги собственная лошадевка Баймирзы была не способна. Оба друга хорошо знали это.

— Наверное, у него один из коней Умарбека, — шепотом поделился своими догадками Миртемир. — Ну ладно, давай попробуем.

Но в этот момент Баймирза вышел из дома. Он тащил ворох чего-то мягкого. Видимо, в темноте он собрал всю одежду, которая висела на вешалках. Грабитель постоял в раздумьи на веранде, затем положил ворох на пол и пошел к амбару с казенным имуществом.

С замком на амбаре Баймирза провозился значительно дольше, но все же в конце концов сломал и его. Все это он проделывал всего в нескольких шагах от двух друзей. Если бы не темнота, он, безусловно, различил бы фигуры мальчиков, которые, прижавшись к разросшемуся кусту, не спускали с грабителя глаз.

Наконец Баймирза сорвал замок, отодвинул засов и скрылся за открытой дверью. Миртемир лежал, не зная что предпринять. Грабитель был слишком близко, каждое движение ребят могло выдать их. Даже советоваться с Сашей было нельзя. Баймирза услышал бы шепот.

Но Саша и не нуждался в советах. Он-то хорошо знал надежность двери амбара и добротность железного засова. Неожиданно сорвавшись с места, мальчик подбежал к амбару, захлопнул дверь и, задвинув засов, громко закричал:

— Папа! Иди скорей! Мы вора поймали!

На секунду Миртемир растерялся. Но затем, сообразив что делать, схватил друга за руку и потянул его к воротам, не менее азартно вопя:

— Иван Семенович! В амбаре вор! Это Баймирза, умарбековский прислужник.

Из амбара не доносилось ни звука. Видимо, Баймирза был ошеломлен и перепуган.

Через минуту мальчики скакали рядом по каменистой дороге.

Друзья и не подозревали о том, что, заперев Баймирзу в амбаре, они этим перепутали все расчеты Умарбека. За несколько минут до ареста Умарбек вызвал Баймирзу и снабдил его самым лучшим скакуном из своего табуна. Богач приказал Баймирзе не задерживаясь скакать в Кривое ущелье, чтобы позвать часть прорвавшихся басмачей на помощь богачам. Попытку ограбить квартиру геологов Баймирза предпринял уже мимоездом, так сказать, в порядке самодеятельности. Он с полным

основанием считал, что Умарбек не сможет очень щедро расплатиться с ним за рискованную поездку в Кривое ущелье, а ограбление геологов можно будет потом свалить на басмачей.

Туча, долгое время стоявшая над кишлаком, наконец-то решила и обрушилась на землю таким ливнем, какой можно увидеть только в узкой долине, зажатой хребтами в самом сердце гор. Впрочем, увидеть что-либо было невозможно. Можно было только чувствовать, ощущать частые и непрерывные струи воды, падавшие с неба в кромешной темноте. Халат Миртемира и ватная куртка Саши промокли в течение нескольких минут, но мальчики не замечали этого. Все их внимание было направлено на дорогу. В такой темноте друзья больше надеялись на уши, чем на глаза. Если под копытами коней звенит каменистая почва, значит все в порядке, они на дороге. Мягкие распаханые поля сразу выдавали себя чавканьем под конскими ногами. Впрочем, Миртемир больше всего надеялся на чутье своего Байчибара. Чтоб не потерять друг друга, мальчики ехали рядом, стремя в стремя. Ехали молча, не погоняя, но и не сдерживая коней, ждали, когда кончится ливень.

А он никак не хотел уняться. Лишь тогда, когда ребята были уже в нижнем конце долины, у въезда в ущелье, непогода начала стихать. Туча, излив свою злость, расползлась клочьями по небу. Между ними, в просветах, засверкали яркие, чуть не в кулак величиной, звезды. Стало светлее, и мальчики увидели, что по дороге катится настоящий поток. Вода покрывала ноги лошадей по самые бабки.

— А в ущелье сейчас, наверное, вся дорога затоплена, — встревожился Саша. — Проедем ли?

— Проедем, — успокоил друга Миртемир. — По верхней дороге. Ее даже в паводки не затопляет. Только она хуже. Быстро ехать нельзя будет.

В ущелье, действительно, можно было проехать только по верхней дороге, шедшей не берегом реки, а возле скал. Темнота и камни, то мелкие, с голову ребенка, то крупные, величиной с небольшую избушку, сильно мешали всадникам. Здесь не пустишь коня полным аллюром.

Более двух часов ребята ехали то шагом, то мелкой, осторожной рысью.

— Вот шайтан, — забеспокоился Миртемир, — как бы нам не опоздать. Обгонят нас басмачи.

— Не обгонят, — флегматично ответил, немного вздремнувший в седле Саша. — И у них дорога не лучше.

— В Кривом ущелье дождя не было, — уверенно заявил Миртемир. — Всегда так бывает. У нас дождь — в Кривом сухо, в Кривом дождь — у нас клевер на солнце сушат.

— Да ну?! — удивился Саша. — Вот не знал. Постой, постой. Раз в Кривом ущелье сухо — значит басмачи сейчас впереди нас скачут.

— Сейчас они спят, по-моему, — не совсем уверенно ответил Миртемир. — Вчера они целый день ездили. Сейчас их лошади отдыхать должны.

— Значит им нас не обогнать, — успокоился Саша.

— Нам бы только проехать тот распадок, через который басмачи из Кривого ущелья выходить будут. А тогда... там и верхняя дорога очень хорошая.

— Далеко еще до него?

— Через час доберемся. Как раз к рассвету, — определил Миртемир и, помолчав, добавил: — А я обещал к Старому мазару на рассвете выехать.

— А от распадка до Старого мазара далеко?

— Километров двенадцать. Но там-то мы одним духом проскочим. Дорога как стол и под гору.

Миртемир оказался прав. Звезды уже потухли и небо из темно-синего стало совсем белым, когда они взобрались на хорошую «как стол» дорогу.

И всадники и лошади устали. Байчибар уже не с таким азартом просил повод, да и Миртемир с Сашей потеряли обычную живость. Сказались волнения и тяжесть минувшей ночи.

Проехав несколько километров по ровному пути, Миртемир остановил Байчибара и соскочил с седла. Саша последовал примеру друга. Миртемир развязал узелок с двумя лепешками. Одну мальчишки оставили для себя, вторую поровну поделили между лошадьми.

Прожевывая размокшую под дождем, но очень вкусную лепешку, Саша спросил:

— Мирка, а где этот самый распадок-то?

— Так мы его уже давно проехали. Он там, — махнул Миртемир рукой через плечо.

Саша посмотрел куда указывал Миртемир и вдруг,

перестав жевать, прищурился, вглядываясь в мутные сумерки рассвета.

— Мирка, — проговорил он замирающим голосом, — там люди.

— Где? — круто обернулся Миртемир и, вглядевшись, кошкой прыгнул в седло. — Едем! Быстро! — крикнул он другу. — Басмачи!

Дав коням полную волю, мальчики вихрем мчались по ущелью. Следом с улюлюканьем и выстрелами поехала погоня. Расстояние между беглецами и погоней не сокращалось, но Саша скоро понял, что надежды на спасение мало. Байчибар явно выдыхался. Саше пришлось придерживать своего коня, чтобы не оставить товарища за спиной. Правда, он делал это незаметно для Миртемира.

Ущелье, до этого строго изгибавшееся, сделалось совершенно прямым, и басмачи получили возможность стрелять прицельно. Около мальчиков начали посвистывать пули.

— Врете, гады, не попадете, — сквозь зубы проговорил Саша. — Стрелки-то вы липовые.

— Давай, давай, — торопил друга Миртемир. — Давай быстрее, — повторял он, не замечая, что Саша, даже придерживая своего коня, все-таки идет на полкорпуса впереди. — Давай!

Вдруг Байчибар вздрогнул и жалобно, почти по человечески застонал.

— Байчибар, что с тобой? — испуганно крикнул Миртемир, почувствовав, как

снижается бег его любимца.— Тебя рапили?!

— Мирка, садись позади меня!— предложил Саша.— Бросай Байчибара! Он сейчас упадет!

— Нельзя, Сашка! — отказался Миртемир. — Двоих твой конь не выдержит. Скачи один... веди сюда чекистов.

— Ты что, ополоумел?! — крикнул Саша и круто осадил своего коня, видя, что Байчибар, подогнув передние ноги, медленно валится на дорогу.— Лезь ко мне!..

— Скачи вперед, ишак, — яростно выругался Миртемир, соскакивая с падающей лошади.— Ты русский. Басмачи тебя сразу убьют. А я про себя что-нибудь придумаю.

Но взглянув на растерянное лицо друга, Миртемир понял, что никакие просьбы, никакие ругательства не заставят Сашу уехать одного. Тогда, быстро наклонившись, он сорвал пробивавшееся меж камней растение, подбежал к Саше и торпливо проговорил:

— До Старого мазара километров восемь, а там и чекисты близко. Веди их сюда! — и незаметно ткнул сорванное растение под хвост коня Саши.

Если даже издыхающей от старости кляче сунуть под хвост сухую верблюжью колючку, кляча на несколько минут превратится в резвого скакуна. Трудно себе представить, что произошло,

когда Миртемир проделал такую же штуку с конем Саша, и без этого так и кипевшим от желания мчаться вперед.

Саша едва удержался в седле, когда обезумевший от боли конь взвизгнул и, закусив удила, очертя голову ринулся в глубину ущелья. И Миртемир и орущая погоня сразу же остались далеко позади. Попытка повернуть коня обратно или хотя бы остановить его не привела ни к чему. Конь, дико визжа, летел вперед, высекая подковами искры из каменистой дороги, а в седле, уронив голову на гриву коня, плакал Саша, повторяя сквозь слезы:

— Мирка!.. Мирка!.. Зачем ты это сделал?..

Так часом позже с глазами, красными от слез, и влетел Саша в походные порядки кавполка ОГПУ, километрах в пяти за Старым мазаром. Когда он проскочил этот самый Старый мазар, Саша даже не заметил.

Бурное прибытие Саша в кавполк вначале удивило, а затем развеселило кавалеристов. С трудом поймав взмыленного скакуна, а затем поняв причину его бешенства, красноармейцы чуть не попадали с седел от смеха.

— Нет, вот это прописали, братцы, коню директиву, — грохотал один за целый взвод здоровенный конник с рыжим залихватским чубом.

— Такую штуку надо нашему кашевару сунуть, чтобы не отставал по дороге, — предложил кто-то из полковых остряков.

Но командование полка отнеслось к Сашину сообщению с полной серьезностью. Командир полка, кинув взгляд на карту, приказал эскадронному:

— Взвод Кольчугина усилить двумя пулеметами. Занять перевал у Старого мазара и отражать атаки до подхода полка. А ты, мальчик, отдыхай. Ты свое дело сделал.

Но Саша не хотел отдыхать. Ему надо было торопиться на помощь Миртемиру.

Когда взвод Кольчугина на рысях обходил далеко растянувшуюся колонну полка, к нему пристроился и Саша на присмирившем, но все еще не пришедшем в себя скакуне.

* * *

Кольчугин со своим взводом вышел на перевал у Старого мазара за полчаса до подхода передового отряда басмачей. Укрыв коней в скалах за поворотами ущелья, бойцы занялись подготовкой к обороне. Каменная, хотя

и довольно ветхая стена ограды, окружавшая мазар, давала бойцам надежное укрытие. Ведь артиллерии у басмачей не было, а для простой пули даже потрескавшийся камень — непреодолимая преграда. Один из пулеметов хорошо замаскировали под углом ограды, и Кольчугин коротко определил задачу расчета:

— Ваше дело — дорогу подметать!

Второй пулемет был поднят на плоскую крышу главной постройки мазара и скрыт на ней за кучею кирпича, оставшегося после развалившегося бокового купола. Пулеметчикам на крыше Кольчугин сказал:

— Ваше дело — брить басмачей и слать им прощальные приветы.

Оборона была занята прочно, но Кольчугин был чем-то недоволен. Он еще раз расспросил Сашу о том, как гнались за ним басмачи, и, приняв решение, сказал мальчику:

— Вот что, сынок! Жми за своим сумасшедшим Тулпаром*. Веди его прямо сюда, в эту халабуду, — нещепительно кивнул он на мазар. — Да побыстрее, басмачи вот-вот пожалуют.

И в самом деле. Едва лишь Саша ввел своего скакуна в древнее здание мазара, как на подъеме к перевалу появилась головная группа басмачей. Не доехав метров триста до мазара, она остановилась. Басмачи внимательно вглядывались в развалины, но вперед ехать не торопились, ожидая прибытия основных сил. А основные силы подходили постепенно. Их становилось все больше и больше. Через четверть часа там, где вначале появилось человек десять, толпилось сотни две всадников.

— Человек полтора-два будет, — определил Кольчугин, вглядываясь в бандитов через щель в стене мазара.

— Сейчас они разведку пошлют, — предсказал, не обращая ни к кому в отдельности, здоровенный весельчак с рыжим чубом.

— Нужна мне их разведка, как блоха в портянке, — зло бросил в ответ Кольчугин. — Что мы, с ними салямалякаться приехали, что ли? Сашок, — окликнул Кольчугин мальчугана, тоже наблюдавшего за басмачами неподалеку от командира взвода.

* Тулпар (узб.) — сказочный конь.

— Сашок, — повторил Кольчугин, когда Саша подбежал к нему. — Сейчас тебе придется артистом стать. Сыграть одну роль, чтобы этих бандюг раззадорить. Сделаешь?

— Говорите, сделаю, — ответил Саша. — Все сделаю.

— Сядись на своего отчаянного и выезжай из мазара. Не торопясь выезжай, будто басмачей не замечашь. А как выедешь за ограду, сделай вид, что басмачей только что увидел. Покружись на выезде, будто с перепугу, и кати обратно в мазар. Нужно, чтобы бандюги подумали, что в мазаре ты один. Понял?

— Понял, — уже садясь в седло, ответил Саша.

— Только ты не пересаливай, — напутствовал его Кольчугин. — Выезжай неторопливо, а обратно жми во все лопатки.

Замысел комвзвода полностью удался. Даже не первый год воевавший с басмачами Кольчугин не ожидал, что погоня за мальчиком будет такой яростной и всеобщей.

Саша еще не успел въехать обратно в мазар, а по ущелью уже катился пестрый ком орущих и яростно шпорящих коней всадников. Когда до них осталось не больше сотни метров, Кольчугин звонко на все ущелье крикнул:

— А ну, хлопцы! Дадим чёсу бандюгам! Огонь!

Дружный залп и длинные очереди двух пулеметов поставили перед басмачами непроходимую стену. Казалось, басмачи на полном аллюре наткнулись на протянутую поперек ущелья проволоку. На дороге сразу образовался барьер из свалившихся от первых же пуль коней и их всадников. А залпы гремели один за другим. Нижний пулемет «выметал дорогу», верхний «брил и слал прощальные приветы», а перепуганные и растерявшиеся басмачи метались по ущелью, не имея возможности ни прорваться вперед, ни унести подобру-поздорову ноги. Наиболее сообразительные при первых же выстрелах попадали с лошадей и теперь лежали, прижимаясь к земле-матушке, видя в этом единственное спасение.

Страшен, но до предела короток бой конницы с сидящей в засаде пехотой и ее пулеметами. Одна-две секунды решают все. Не хватило у конников запала перескочить запретную черту, проведенную пулеметными очере-

дями и винтовочными залпами, не успела конница обрушить свои клинки на беззащитные спины пехоты — и конец. Стремительная и жутко красивая картина сабельной атаки превращается в страшную карикатуру на воинскую доблесть и мужество. Поэтому-то и славилась по всему свету упорная русская конница, всегда умеющая не лечь у роковой черты, а прорваться вперед и разрубить ее клинками златоустовской рабочей закалки.

Менее четверти часа продолжался бой у Старого мазара. И десятку басмачей не удалось ускакать в дальний конец ущелья. Остальные лежали на каменистом дне, кто умолкнув навеки, кто воя от боли, а большинство — замерев от страха за свою жизнь.

Отдав команду прекратить огонь, Кольчугин приказал одному из своих конников:

— А ну-ка, Каримджан, покричи этим завоевателям, пусть, кто уцелел, ползут сюда. Только чтоб без оружия. Оружие на месте оставлять. Потом сами соберем.

И поползли незадачливые вояки, кто на четвереньках, а кто и по-пластунски, волоча за собой простреленную ногу. Ползли, оставив на горячих камнях ущелья новенькие английские виштовки и голубоватые, сделанные в Бирмингеме, клинки. Ползли, кто вскрикивая от боли, кто сопя от страха, а над ними, далеко раскатываясь по ущелью, летел веселый голос Каримджана:

— Ползите веселей, воины ислама! Эй ты, толстопузый, оставь маузер на месте, а то я его сам сниму, только не с тебя, а с покойника. Вот, вот, так и ползи голенький.

Бойцы Кольчугина веселились. Враг разгромлен, и полк на подходе. Крепкие красноармейские шутки и смех звенели на перевале. Печален был только Саша. Среди ползущих к перевалу он не видел Миртемира. Да и Миртемир не полз бы, как баран, на четвереньках. Он пошел бы спокойно и гордо. Да нет, где там спокойно... Наверное, кинулся бы бегом, чтобы скорее очутиться здесь, среди своих. Но Миртемира не было.

* * *

А Миртемир ехал в это время по ущелью, сидя на лошади за спиной высокого и худого, но, видимо, очень сильного басмача. Красный пионерский галстук по-прежнему алел на груди Миртемира, но лицо мальчика

было совсем бело, бескровно от перенесенных страданий. И двигался Миртемир не к Старому мазару, а в сторону родного кишлака, откуда сейчас доносился треск винтовочных выстрелов и приглушенное расстоянием рычание пулеметных очередей. «Значит, басмачи все-таки прорвались через заставу!» — думал мальчик, стискивая зубы, чтобы не застонать.

Каждый шаг коня отзывался новой болью в истерзанном теле Миртемира. Но мальчик крепился изо всех сил. «Успел ли Саша предупредить чекистов?» — в который уже раз спрашивал сам себя Миртемир, прислушиваясь ко все приближающимся звукам боя в родном кишлаке.

Тогда, на рассвете, заставив друга против воли оставить себя в ущелье, Миртемир крепко стянул поясным платком полы халата и сел на камень около головы умирающего Байчибара. Ему было страшно, очень страшно в эти короткие, но так медленно тянущиеся минуты. Слыша топот приближающейся погони, мальчик побелевшими от страха губами шептал то, что запало ему в душу при прощании с другом:

— Саша приведет чекистов. Вот увидишь, Байчибар. Чекисты успеют вовремя. Ты потерпи еще немного.

Басмачи, осадив около Миртемира лошадей, в первые секунды растерялись. Перед ними около смертельно раненной лошади сидел перепуганный мальчишка и по-узбекски говорил своему четвероногому другу:

— Потерпи, Байчибар миленький, потерпи немного.

Десяток басмачей, догонявших Миртемира, не знал, что ему делать с мальчишкой.

— Эй, бача! — окликнул Миртемира один из басмачей, видимо, командир этого десятка. — Ты зачем бежал? Почему сразу не остановился?

— Испугался очень, — первое, что пришло в голову, ответил Миртемир.

— Испугался, — расхохотался басмач. — А второй мальчишка еще больше тебя испугался? Почему он тебя не подобрал?

И в этот момент Миртемир вспомнил, что борьба еще не кончена, что басмачи не должны знать, почему ускакал Саша. И тогда мальчишка осенила мысль объяснить все не так, как было на самом деле.

— Вовсе это не мальчишка был, — ответил он десятскому.

— Не мальчишка? — удивился тот. — А кто же?

— Девчонка. Сестренка моя была.

— Ишь ты. Зачем ты ее одну отпустил?

— Ей лучше одной быть, чем с вами.

— Догадался что делать, сообразил, — заржал десятский.

У Миртемира появилась надежда, что, может быть, ему удастся ускользнуть от басмачей. Враги уже не так грозно смотрели на него. Каждому из них понятен поступок мальчишки, с риском для жизни спасающего честь сестры. Но когда подошли основные силы просочившейся через границы банды, положение изменилось. Главарь басмачей оказался не таким доверчивым.

Это был высокий подтянутый мужчина, сидевший на бесценном ахалтекинце с грацией прирожденного всадника. Его сухое волевое лицо было бы красивым, если бы постоянно не искажалось нервным тиком. Из-под лисьего киргизского малахая на лоб главаря падала мягкая, посеребренная сединой прядь волос.

— Почему стреляли? Что это за мальчишка? — спросил он, осадив коня в двух шагах от лежавшего на земле Байчибара.

«Не узбек, — услышав, как говорит главарь, сообразил Миртемир, не поднимая головы и не глядя на вновь прибывших. — И не русский, хотя и хорошо говорит по-узбекски».

Десятский, подобострастно кланяясь, доложил главарю обо всем, что произошло.

— Девчонка, говоришь, ускакала? — переспросил главарь. — Его сестра? Ишаки! С девчонкой не могли справиться.

— Да врет он все. У него и сестры-то никогда не было. Это Миртемир, сын Даньяра, нашего председателя колхоза. Такой же гаденыш, как и его отец.

Услышав этот сиплый от злобы голос, Миртемир похолодел: «Пропал я, — пронеслось в голове мальчика. — Ораз, сын Умарбека. Теперь ничего не скроешь».

— Сын большевика? — переспросил главарь. — Значит неспроста здесь. Обыскать его.

Дюжие руки басмачей сорвали с Миртемира поясной платок и обшарили все тело. Халат запахнулся, и пионерский галстук вспыхнул под лучами встающего над горами солнца.

— Сын большевика и сам уже большевик, — с издевкой проговорил главарь басмачей. — Зачем ты очутился в ущелье? Куда ехал?

Главарь подъехал к Миртемиру и косяной рукояткой нагайки больно поддел его за подбородок. Глядя в налитые слезами, полные страха глаза мальчика, он, почти непрерывно дергаясь в тике, зло крикнул:

— Ну, говори, сын дьявола, куда ехал?

— Сестру провожал, — срывающимся от страха голосом продолжал утверждать Миртемир. — Дядя Ораз не знает ее. Она в кишлаке Тамга живет, у самого города.

— Это может быть, — подтвердил Ораз. — В Тамге живет сестра жены этого слуги дьявола — Даньяра.

— Чепуха, — оборвал его главарь. — Этот змееныш был послан предупредить о нашем прорыве через Кривое ущелье. Так ведь? Ну! Говори! — крикнул главарь и, оторвав рукоятку нагайки от подбородка Миртемира, больно ударил его по голове.

— Сестру, говорю, провожал, — не выдержав боли, заплакал Миртемир. — Ой, не бейте меня, не бейте!..

Но плеть главаря раз за разом со свистом опускалась на плечи и спину мальчика, разрывая в клочья халаг и оставляя на теле сразу же наливавшиеся кровью полосы. Уже Миртемир свалился на дорогу, а главарь, изгибаясь и дергаясь, продолжал наносить удар за ударом.

— Говори!.. Говори!.. Говори!.. Говори, змееныш! — повторял он при каждом ударе плетью.

— С мальчишками воевать пришли! — вдруг оборвал выкрики главаря чей-то насмешливый голос. — От красноармейцев бегаем, с мальчишками воюем.

Главарь, как будто его самого ожгли плетью, выпрямился в седле. Казалось, еще секунда — и он, вырвав из колодки маузер, пристрелит высокого рябоватого басмача, осмелившегося поднять против него свой голос. Но взглянув на хмурые лица других басмачей, главарь сдержался.

— Пожалели гаденыша, — насмешливо бросил он. — А этот щенок ехал предупредить город о нашем прорыве, чтобы нас из ущелья не выпустить.

Миртемира эти слова ударили сильнее плети. Значит, напрасно было все. Главарь разгадал их тайну. Но Саш-

ка-то уже далеко. Сашку им не поймать. И не веря, что останется жив, но торжествуя над одураченным врагом, Миртемир, собрав последние силы и не поднимаясь с земли, крикнул:

— Все равно вам не спастись! Чекисты вас всех перебьют! Сашка предупредит чекистов. Сашку вам не поймать.

— Вот видите, — усмехнулся главарь и почти ласково взглянул на Миртемира. — Значит, чекисты уже знают о нас, гаденыш?

— Скоро узнают, — дерзко глядя в глаза главарю басмачей, ответил Миртемир.

— Ну вот, а мы еле тянемся, — снова наливаясь злобой, заговорил главарь. — До Старого мазара еще почти десять верст. А ведь мы еще ночью должны были быть за Старым мазаром.

— Так дорога-то какая, сами видите, господин, — оправдываясь, заговорил десятский. — Кони устали, не идут. И этого мальчишку не догнали бы, да пуля быстрее коня.

— Хватит разговоров! — оборвал десятского главарь. — Пошевеливайтесь! Рысью марш! До Старого мазара не останавливаться.

— А этого куда? — кивнул десятский на Миртемира, когда колонна басмачей мелкой рысью тронулась дальше.

— Этого? — переспросил главарь и начал открывать колодку маузера, но, передумав, захлопнул ее и подозвал басмача, осмелившегося поднять свой голос: — Эй, ты! Долговязый! Подъезжай сюда!

— Значит, ты жалеешь даже таких пащенков? — ядовито спросил он рябого, когда тот подъехал.

— Ребенок всегда ребенок, — сдержанно ответил басмач, не отводя в сторону своего тяжелого взгляда.

— Так вот ты и пристрели его сейчас. Приказываю! Ну!

Басмач молча, не спуская глаз с главаря, начал неторопливо снимать из-за спины винтовку. Главарю стало не по себе под мрачным взглядом рябого, и он, передернув плечами, вдруг добавил: — Да не здесь, дурак. Отведи вон в кусты, к речке. Потом догонишь.

— Вставай, бедняга, — тронул Миртемира кончиком нагайки рябой. — Пошли вон туда.

Цокот копыт лошади главаря еще не успел замолкнуть, а Миртемир и басмач уже были в кустах, тянувшихся вдоль реки. Мальчик остановился. Дальше идти было некуда. Дальше был обрыв. Миртемир повернулся лицом к басмачу.

— Так, значит, ты сын Даньяра из кишлака Гулистан? — спросил рябой, опираясь на переброшенную поперек седла винтовку.

— Да, наш кишлак зовут Гулистаном, — робко ответил Миртемир.

— А я ведь знаю твоего отца, — вдруг улыбнулся басмач. — Я раньше в Гулистане жил. Мы с твоим отцом играли, когда были такими, как ты сейчас.

— Даньяр мне не отец, а дядя. Моего отца звали Керим. Он был брат Даньяра. Его басмачи Рахманкуда убили.

— И Керима, старшего брата Даньяра, я знал, — еще веселее улыбнулся рябой басмач. — Он меня раз на своей бахче поймал. Крапивой здорово отодрал. Ох и ревет же я тогда.

Миртемир промолчал. Да и что он мог ответить? Мальчик как-то отупел, сделался равнодушным ко всему. Сейчас он, пожалуй, даже не очень боялся. Просто сердце ныло, так ныло, что хоть кричи от боли. Ныло даже сильнее, чем избитое, кровоточащее тело.

— Как ты думаешь, меня расстреляют, если я сдамся? — неожиданно спросил басмач.

— Если сам сдашься, не расстреляют, — уверенно ответил Миртемир. — В прошлом году Сабир сдался. Он из нашего кишлака. Сейчас в кишлаке живет, в колхоз вступил.

— Наверное, не расстреляют, особенно если я и тебя живым приведу. Но посадить-то, наверное, посадят.

— Не знаю, — откровенно ответил Миртемир, еще не веря, что появилась надежда на спасение. — Наверное, не посадят, если вы никого не убивали. Сабира же не посадили.

— Я всю правду расскажу, — убеждая скорее самого себя, чем Миртемира, продолжал басмач. — Я ведь не сам в басмачи ушел. Меня в девятнадцатом курбаши Иргаш мобилизовал, а мулла на коране клятву с меня взял. Так не расстреляют, говоришь?

— Не расстреляют, дядя, — горячо подтвердил Миртемир. — Я расскажу, как вы за меня заступились.

— А ты меня не обманешь? В самом деле расскажешь?

— Обязательно расскажу, все как было, — повторил Миртемир.

— Поклянись, как на коране клянутся.

— Мне нельзя как на коране. Я пионер.

— Ну, поклянись по-вашему, по-пионерскому.

— Честное пионерское слово, что расскажу все как было и Даньяра-ата попрошу заступиться за вас, — громко и отчетливо произнес Миртемир, вскинув для салюта руку.

— Что ж такое получается? — не зная еще, на что решиться, почесал затылок басмач. — Мулла говорит, что мы не сами выбираем свои пути, их нам аллах

указывает. А для меня вот подходит... — и, видимо справившись наконец с последними колебаниями, он махнул рукой и непоследовательно закончил: — По-иному все получается. А ну, иди сюда. Только смотри, ты мне поклялся.

Протянув длинную, как оглобля, руку, рябой басмач легко, словно котенка, поднял Миртемира с земли и вскинул на круп коня за своей спиной.

— Держись, — крикнул он и ударил плетью коня.

Отчаянная скачка продолжалась минут сорок. Миртемиру десятки раз казалось, что силы его иссякли, что сейчас он упадет на каменистую землю, прямо под широкие копыта коня. Но приступ слабости кончался, и Миртемир с удивлением видел, что он еще не упал, что где-то в самой глубине у него еще сохранилась последняя крошечка сил.

Только убедившись, что теперь его не догонит никакая погоня, рябой басмач перевел коня на рысь, а когда стала слышна стрельба в кишлаке, поехал шагом. Басмач явно не хотел въезжать в кишлак, пока там шел бой и обстановка была неясна.

— Меня зовут Овез Берды, — торжественно начал рябой. — Запомни, Овез Берды. Э! Что с тобой?.. — отбросив всякую торжественность, вскрикнул басмач, подхватывая падающего с коня Миртемира.

Последние силы оставили мальчика. Миртемир лежал на руках Овеза Берды без чувств, с лицом, белым, как снег горных вершин. Овез беспомощно огляделся.

— Шайтан! — проворчал он. — Что же теперь делать? Мальчишка того гляди умирать будет, а люди скажут, что это я его убил.

Овез Берды был в полной растерянности. Что же, действительно, делать? В кишлак ехать нельзя, там бой. Неизвестно, на кого парвешься. Дыма над кишлаком нет, ничего не горит. Значит, басмачам не удалось ворваться в кишлак, их задержали на выходе в ущелье. Но и встреча с защитниками кишлака сейчас не устраивала Овеза. Мальчишка без памяти, ничего не может рассказать, а попадать под горячую руку народного самосуда без надежных свидетелей Овез не хотел. Но и здесь, среди долины, торчать нельзя. Со всех сторон виден, для всех подозрителен. Э... была не была, — решил Овез. — Крайние хибарки кишлака сейчас, наверное, пустые. Мужчи-

ны дерутся на том краю кишлака, а женщины и дети отсиживаются в горах. Надо попробовать, другого ничего не придумаешь.

Перекинув бесчувственное тело Миртемира поперек седла, Овез бросил коня в намет. Последние километры перед кишлаком он проскакал за несколько минут и осадил коня около крайней, стоявшей на отлете от других, усадьбы.

Долго стучал Овез и кулаком, и рукояткой плети в высокие арчевые ворота усадьбы. Но ни один голос не отозвался со двора, никто не открыл перед Овезом ворота.

— Пусто, — удовлетворенно сообщил самому себе Овез. — Тут и пережду, пока кончится эта собачья свадьба.

Он, не слезая с седла, надавил на створки. Ворота оказались незапертыми. Они открылись, но с таким ужасным скрипом, что даже привычный ко всему конь Овеза испуганно шарахнулся в сторону.

— Вот шайтан, — выругался Овез. — Орут, как ишак на утренней заре. Всему кишлаку рассказали, что я домой вернулся.

Во дворе усадьбы было пусто. Двери дома были широко распахнуты, а на веранде, у самых ступенек, лежал ворох одежды и одеял.

— Торопились уходить, — догадался Овез. — В темноте уходили, не все с собой взяли.

Овез внес бесчувственного мальчика в дом и уложил его на одну из кроватей. Медицинские познания басмача были невелики. Он ограничился тем, что протер лицо мальчика тряпкой, намоченной в холодной воде, снял с него халат и приложил к иссеченной плетью спине Миртемира ту же мокрую тряпку.

Мальчик все еще был без чувств. Убедившись, что больше он ничем не может помочь, Овез отправился во двор. Необходимо было позаботиться и о собственной безопасности.

Первым делом Овез крепко запер ворота. Затем отвел под навес коня и положил перед ним целую кучу клевера, благо клевер был чужой и хозяин его отсутствовал. Покончив с этим, Овез обошел весь двор. Сорванный с амбара замок насторожил Овеза. Хозяин не будет портить собственное добро. Но почему двери

амбара заперты на засов? Грабители так не сделают. Засов железный, его беззвучно не закроешь. Овез прислушался. Ему показалось, что в амбаре кто-то возится. Сняв на всякий случай винтовку с плеча, Овез стукнул прикладом в дверь и спросил:

— Кто там?

В амбаре затихло. Но Овез почему-то был уверен, что в амбаре заперт человек. Ему даже показалось, что он слышит за дверью тяжелое дыхание.

— Кто там? — погромче окрикнул Овез. — Зачем молчишь? Отвечай!

— Выпусти меня отсюда, добрый человек, — донеслось из-за двери.

— А ты кто? — спросил Овез.

— Я?..

— Да, ты!

— А ты кто?

— Я — воин ислама, — по привычке ответил Овез.

— Воин ислама! — обрадованно завопил запертый в амбаре. — Так что же ты не отворяешь? Выпускай меня скорее! Я тоже... воин ислама.

— Э-э-э! — удивленно протянул Овез. Встреча со своими бывшими товарищами по разбоям и грабежам никак не устраивала Овеза. Ведь он категорически решил уйти из басмачей. Нет, пусть этого воина ислама выпускает тот, кто запирает. На всякий случай Овез подкатил и прислонил к двери валявшийся неподалеку тяжелый камень.

— Что ты делаешь? — слышался из-за двери вопль. — Выпусти.

— Не могу... — ласково ответил Овез. — Подожди немного... Скоро придут начальники! Они выпустят!

— Выпусти! — взывал запертый.

В этот момент Овез услышал то, что его сразу заставило забыть об амбаре и о запертом в нем человеке. Из долины слышался приближающийся с каждой секундой гул. Овез не спутал бы этот звук ни с каким другим даже спросонок. Такое можно было услышать только тогда, когда по каменистой дороге бешеным галопом несется конница. Много конницы.

Овез кинулся к воротам, приоткрыл их и выглянул. Мимо ворот пронеслась группа кавалеристов с обнаженными клинками. Овез не знал, что это помчался взвод

Кольчугина. Но он, с тех пор как стал басмачом, больше всего боялся этих людей в синих фуражках с малиновыми петлицами на воротниках гимнастерок.

А их здесь было много, очень много. Вслед за головным взводом к кишлаку подходила такая сила конницы, что Овез, испуганно захлопнув ворота, со всех ног бросился в дом. Его спасение было в том мальчике, который сейчас без всяких признаков жизни лежал в доме.

— О аллах! — бормотал на бегу Овез Берды. — Молю тебя сохранить жизнь мальчишке. Пусть он очухается побыстрее, а то эти шайтаны не поверят, что Овез не причастен к его смерти. Все, что я заработаю за целый год, я все отдам в мечеть, только помоги мне, аллах.

Влетев в комнату, Овез почти поверил, что его мольба успела дойти до аллаха. Мальчишка уже не лежал, а сидел в постели.

— Аскеры! Кзыл аскеры* пришли! — одновременно с испугом и радостью завопил Овез еще с порога.

— Пить! — скорее простонал, чем проговорил Миртемир.

Овез кинулся к ведру с водой. Разыскивая, в чем бы подать мальчишке воду, бывший басмач сокрушенно подумал, что, пожалуй, поторопился, обещав аллаху весь годовой заработок. Мальчишка определенно пришел в себя раньше, чем молитва дошла до аллаха. Хорошо, что это обещание было дано в горячах, без свидетелей и мулла о нем не знает.

Жадно осушив большую кружку воды, Миртемир почувствовал себя значительно лучше.

— Чего ты кричал? — спросил он Овеза.

— Кзыл аскеры пришли! Много! Целая тысяча, — торопливо сообщил Овез.

Слабая улыбка появилась на губах Миртемира.

— Значит, Саша успел, — проговорил он. — Пойдем к ним.

Но идти Миртемир не смог. Овез на руках вынес его за ворота. Конница уже миновала усадьбу. Миртемир увидел только последние ряды колонны кавполка. Он увидел и кое-что другое, что его очень обрадовало.

Отстав от колонны метров на двести, ехал Саша в сопровождении пожилого усатого конника.

* Кзыл аскеры (узб.) — красноармейцы.

— Сашка! — позвал его Миртемир.

Увидев друга, радостно изумленный Саша кубарем скатился с седла и подбежал к Миртемиру.

— Ты жив, Мирка! — закричал он и заплакал. — Ты жив! А мы-то думали...

— Почему ты не с полком, а здесь? — не замечая, что и сам он плачет, спросил Миртемир.

— Командир так приказал. Он не велел мне в бою участвовать, — признался Саша. — Он меня ругал за то, что я с Кольчугиным на Старый мазар ездил. — И, заминая неприятный разговор, повернул на другое. — По-едем к нашим, Мирка.

Овез побежал за своим конем.

* * *

Ребята! Если вам доведется побывать в Узбекистане, обязательно съездите в кишлак Гулистан, что лежит в горной долине, в самом верхнем ее конце. Впрочем, название Гулистан сейчас мало кто помнит. Но вам любой мальчишка расскажет, как проехать в колхоз «Бахор». «Бахор» — по-узбекски «Весна»! Вам доставит большое удовольствие познакомиться с председателем колхоза Миртемиром Керимовым. Он вам расскажет о колхозных делах и угостит такими персиками и виноградом, каких вам нигде не удастся даже попробовать. Если вам повезет, то, может быть, вы увидите в колхозе и начальника рудника, что открылся в горах недалеко от «Бахора», Александра Ивановича Сибирякова. Он часто приезжает в гости к своему старому другу Миртемиру. Александр Иванович любит рассказывать о горных богатствах Узбекистана. Советую не упустить случая и обязательно поговорить с ним.

На колхозных бахчах вы можете встретить старика сторожа, которого все мальчишки не очень любят, но зовут почтительно, полным именем — Овез Берды-ата.

Овез Берды не любит вспоминать прошлое, но часто со значительным видом подчеркивает:

— Подумать только, если бы не я, колхоз никогда не имел бы такого знаменитого председателя. Во всех газетах его портреты печатают и Героем наградили.

Да и кроме всего этого вы увидите в этом колхозе много интересного. Обязательно съездите в «Бахор», ребята